

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
26 June 2019
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 846/2017* ****

<i>Автор сообщения:</i>	Эльмас Айден (представлен адвокатом, эль-Кбиром Лемсегемом)
<i>Предполагаемая жертва:</i>	заявитель
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата представления жалобы:</i>	16 октября 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 20 октября 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	10 мая 2019 года
<i>Тема:</i>	выдача в Турцию
<i>Процедурный вопрос:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопрос существа:</i>	риск применения пыток в случае выдачи по политическим мотивам (невыворение)
<i>Статья Конвенции:</i>	3

* Принято Комитетом на его шестьдесят шестой сессии (23 апреля – 17 мая 2019 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения принимали участие следующие члены Комитета: Фелис Гаер, Абдельвахаб Хани, Клод Эллер Руассан, Йенс Модвиг, Ана Раку, Диего Родригес-Пинсон, Себастьян Тузе, Бахтияр Тузмухамедов и Чжан Хунхун. В соответствии со статьей 109 правил процедуры Комитета г-жа Саадия Бельмир в рассмотрении настоящего сообщения не участвовала.

1.1 Заявителем жалобы является Эльмас Айден, гражданин Турции, родившийся 14 апреля 1958 года. В настоящее время он содержится под стражей в Марокко до окончания выдачи в Турцию. Заявитель утверждает, что выдача в Турцию, где ему может угрожать применение пыток, стала бы нарушением Марокко своих обязательств согласно статье 3 Конвенции. Марокко ратифицировало Конвенцию 21 июня 1993 года и заявило, что признает компетенцию Комитета в соответствии со статьями 21 и 22 Конвенции, 19 октября 2006 года. Заявитель представлен адвокатом эль-Кбиром Лемсегемом.

1.2 В своей жалобе заявитель просил Комитет принять временные меры. 20 октября 2017 года Комитет в соответствии с пунктом 1 правила 114 правил процедуры просил государство-участника не выдавать заявителя в Турцию, пока его обращение рассматривается Комитетом.

1.3 15 ноября 2018 года Комитет получил информацию о том, что заявитель испытывает серьезные проблемы со здоровьем, не получает необходимой медицинской помощи и, хотя он не владеет ни арабским, ни французским языком, не имеет доступа к услугам переводчика в ходе приема у врачей и поэтому не сообщить о симптомах и медицинских проблемах, которые у него возникли. В соответствии с пунктом 1 правила 114 правил процедуры Комитет призвал государство-участника в срочном порядке принять необходимые защитные меры для получения заявителем доступа к медицинской помощи, в которой он нуждается, и переводчику в ходе общения с медицинским персоналом. Кроме того, Комитет призвал государство-участник как можно скорее предоставить медицинское заключение о состоянии здоровья заявителя его адвокату, чтобы его семья могла ознакомиться с ним. 1 февраля 2019 года государство-участник проинформировало Комитет о продолжающемся содержании заявителя под стражей, заверив его при этом, что последний пользуется всеми гарантиями, необходимыми для осуществления его прав, в частности, с учетом состояния его здоровья.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель является состоящий в браке предприниматель, поселившийся в 2016 году в городе Тетуан, в Марокко, где он открыл фирму по продаже мороженого.

2.2 26 июля 2017 года по дороге в свой магазин заявитель был арестован марокканской полицией на основании ордера на арест, выданного турецкими властями под № 2754/2016, за членство в движении «Хизмет». После установления его личности в прокуратуре Тетуана ему сообщили о причинах ареста, после чего он был доставлен в кассационный суд, принимающий решения по просьбам о выдаче, который принял постановление о заключении под стражу в тюрьму Сале-2. 13 сентября 2017 года заявитель предстал перед Кассационным судом Марокко; на заседании присутствовал его адвокат, г-н эль-Кбир Лемсегем. Защита по существу утверждает, что просьба о выдаче заявителя носит политический характер ввиду явного отсутствия в судебных документах Турции доказательств членства заявителя в движении «Хизмет», признанного в Турции террористической организацией.

2.3 Властями Турции представлены доказательства, несостоятельные как с юридической, так и с фактической точки зрения. Они обвиняют заявителя в том, что тот является активным членом движения «Хизмет» и одним из членов фонда Макиад, объединяющего предпринимателей из Малатья, и фонда образования Баттальгази. Власти Турции заявляют, что он разделял взгляды газеты «Заман», а также, что в его доме в Турции были изъяты книги Фетхуллы Гюлена. Они также обвиняют его в том, что он открывал счета в банке «Асья» и укрывался в Соединенных Штатах Америки после попытки государственного переворота в 2016 году. Заявитель утверждает, что его членство в самых престижных фондах Малатья, Макиад и Баттальгази соответствовало турецкому законодательству и что он не знает, работали ли эти два фонда для движения «Хизмет».

2.4 Поездки заявителя за пределы Турции носили туристический или деловой характер. Он отрицает, что является активным участником движения «Хизмет», и заявляет, что изъятые у него книги Фетхуллы Гюлена находятся в свободном

доступе. Как видно из его паспорта, он никогда не бежал из Турции в Соединенные Штаты. Поддержка взглядов газеты «Заман» абсолютно законна, как законно участие любого гражданина в деятельности газеты, публикуемой в соответствии с турецким законодательством. Хранение сбережений в банке «Асья» также является законным, как и для тысячи граждан по всему миру, имеющих счета в этом банке (1,6 млн клиентов).

2.5 Защита пришла к выводу, что эти надуманные и неубедительные доказательства членства заявителя в движении «Хизмет» указывают на политический характер просьбы о его выдаче в Турцию. Защита также ссылается на статью 721 Уголовно-процессуального кодекса Марокко¹.

2.6 Защита сослалась также на общую ситуацию с правами человека в Турции, особенно после попытки государственного переворота в июле 2016 года, за которой последовала большая волна арестов, судебных процессов и приговоров, вызвавших негодование международного сообщества. Нынешняя политическая обстановка в Турции после попытки государственного переворота не гарантирует соблюдения процессуальных норм, верховенства права, а также препятствует выдаче в соответствии с международными стандартами. Такая обстановка характеризуется нарушениями прав человека, которые констатировали международные учреждения и организации. Защита представила суду подтверждение ходатайства о предоставлении убежища, поданного заявителем в бюро Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев в Рабате.

2.7 19 сентября 2017 года кассационный суд вынес положительное заключение в отношении выдачи заявителя Турции.

2.8 Наконец, заявитель подтверждает, что он не подавал жалобы в какой-либо другой механизм урегулирования или расследования в соответствии с пунктом 5 а) статьи 22 Конвенции.

Содержание жалобы

3.1 Заявитель утверждает, что в случае выдачи из Марокко в Турцию ему грозит опасность подвергнуться пыткам со стороны властей Турции в нарушение его прав, гарантированных статьей 3 Конвенции.

3.2 После попытки государственного переворота Турция ввела 20 июля 2016 года чрезвычайное положение, и таким образом заявителю грозит непосредственная, предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам в случае выдачи в страну происхождения.

3.3 Заявитель категорически отрицал в Кассационном суде, действующем в качестве судебной инстанции по делам о выдаче, свое членство в движении «Хизмет». Слабость доказательств, отнюдь не являющихся неопровержимыми и прямыми, представленных властями Турции в отношении преступления членства заявителя в террористической организации, должна вызвать у Кассационного суда Марокко серьезные сомнения относительно реальной основы просьбы о выдаче и позволить ему с уверенностью заключить, что она носит политический характер. Кроме того, членство в организации, несущей ответственность за попытку государственного переворота – политически мотивированного акта, – следует рассматривать как политическое правонарушение или преступление и, таким образом, должно препятствовать выдаче заявителя. Кроме того, заявитель добавляет, что

¹ В статье 721, помимо прочего, предусматривается, что выдача не производится, если преступление, в связи с которым она запрашивается, рассматривается марокканским государством в качестве политического преступления или связанного с таким преступлением. Эта норма применяется, в частности, если марокканское государство имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче, по внешней форме связанная с общеуголовным преступлением, фактически была представлена с целью судебного преследования или наказания лица по признаку расы, вероисповедания, гражданства или политических убеждений либо влечет за собой опасность усугубления положения этого лица по любой из этих причин.

доказательства, на которых основан ордер на его арест, вытекают из показаний, полученных под принуждением.

3.4 Заявитель также утверждает, что положения статьи 721 Уголовно-процессуального кодекса позволяют Кассационному суду Марокко отклонять просьбы о выдаче во всех случаях, когда возникают сомнения относительно характера таких просьб, в частности, если они основаны только на доказательствах расплывчатого и абстрактного характера.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В вербальных нотах от 19 декабря 2017 года и 30 апреля 2018 года государство-участник предоставило замечания относительно содержания заявителя под стражей и ходатайства о его выдаче.

4.2 Государство-участник указывает, что заявителем является Эльмас Айден, гражданин Турции, родившийся 14 апреля 1958 года. Он работает директором компании «ВАФА» в Тетуане, специализирующейся на управлении группой магазинов (магазин мороженого, пекарня, ресторан и точки быстрого питания). Он также занимается другой деятельностью в области импорта и экспорта.

4.3 26 июля 2017 года заявитель был задержан на территории Марокко на основании международного ордера на арест № 2754/2016 от 6 августа 2016 года, выданного судом первой инстанции Малатьи в связи с его предполагаемым членством в вооруженной террористической группировке – движении «Хизмет». Заявитель предстал перед королевским прокурором при суде первой инстанции Тетуана, который принял постановление о его заключении под стражу в местной тюрьме Сале-2.

4.4 Власти Турции подали просьбу о выдаче в письменном виде и в переводе на арабский язык в соответствии со статьей 29 Соглашения между Королевством Марокко и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и выдаче, подписанного в Рабате 15 мая 1989 года. К просьбе о выдаче прилагались следующие документы: ордер на арест, выданный судебными властями Турции, краткое описание правонарушений, в отношении которых запрашивается выдача, описание требуемого лица и все сведения о его личности, а также правовые нормы, применимые в данном деле.

4.5 19 сентября 2017 года уголовная палата Кассационного суда приняла решение № 1429/3, в котором она удовлетворила просьбу о выдаче заявителя. Суд счел, что просьба о выдаче отвечает всем требованиям в отношении формы и содержания в соответствии с Конвенцией о взаимной правовой помощи.

4.6 Что касается утверждений о том, что после выдачи заявитель подвергнется пыткам, что представляет собой нарушение статьи 3 Конвенции, то государство-участник утверждает, что Кассационный суд в своем решении признал, что преступления, фигурирующие в просьбе о выдаче, являются общеуголовными правонарушениями, включая совершение террористических актов, а также финансирование терроризма, согласно турецкому законодательству. Политические преступления или связанные с такими преступления не были указаны. Таким образом, предъявленные заявителю обвинения не приведут к преследованию или наказанию по признаку расы, религии, национальности или политических убеждений и не создают опасности ухудшения его положения по любой из этих причин.

4.7 В этой связи следует отметить, что законодательство Марокко содержит положения о пытках, достаточные для применения Конвенции. Кроме того, статья 721 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает отказ в удовлетворении просьбы о выдаче, если у властей Марокко имеются серьезные сомнения в том, что запрос связан с общеуголовным преступлением. Таким образом, обвиняемый не будет выдан для преследования или наказания по признаку расы, религии, политических убеждений или положения лица.

4.8 Хотя в Кассационном суде заявитель не поднимал вопроса об опасности применения пыток, Турция предоставила необходимые процедурные гарантии в отношении прав заявителя, в частности права на законную защиту, как это предусмотрено международными договорами, ратифицированными Турцией, и ее законодательством. Ко всему прочему, принятие Турцией процедуры индивидуальных жалоб в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции о правах человека) позволяет заявителю подать жалобу в Европейский суд по правам человека в случае нарушения его прав.

4.9 Государство-участник считает, что заявитель недостаточно обосновал утверждения о том, что доказательства, представленные турецкими властями, не являются убедительными. Кроме того, вынесение решения о невиновности или виновности заявителя не входит в компетенцию Кассационного суда. Решение по этому вопросу должны принимать компетентные судебные органы государства, запрашивающего выдачу, при полном соблюдении норм справедливого судебного разбирательства.

4.10 Кассационный суд также рассмотрел утверждения заявителя о том, что он никаким образом не связан с движением «Хизмет» и что это движение не может рассматриваться как террористическая организация. Суд напомнил, что Турция является суверенным государством и что в соответствии с ее законодательством движение «Хизмет» считается террористической организацией, обвиняемой в организации попытки государственного переворота 15 июля 2016 года. Государство-участник далее отмечает, что Кассационный суд не обладает юрисдикцией для изучения правомерности этого закона, поскольку его функции ограничиваются обеспечением соблюдения законности процедуры выдачи. Поэтому он должен обеспечить, чтобы факты, изложенные в просьбе о выдаче, указывали на состав преступления в соответствии с Уголовным кодексом Марокко, т. е., в данном случае, частью 1 статьи 218-1.

4.11 Кассационный суд счел необоснованными утверждения о том, что условия статьи 721 Уголовно-процессуального кодекса не были выполнены и что просьба о выдаче действительно преследовала политические цели. Пункт 1 статьи 27 Соглашения о взаимной правовой помощи предусматривает, что выдача не может быть произведена, если преступление, в связи с которым она запрашивается, рассматривается как политическое преступление или связано с политическими соображениями. В данном случае цель просьбы о выдаче заключается в судебном преследовании заявителя за членство в вооруженной террористической группировке, что является не политическим, а общеуголовным преступлением. Заявитель не доказал Кассационному суду, что основной причиной выдачи были соображения, связанные с расой, религией, национальностью или политическими взглядами.

4.12 Государство-участник напоминает, что, как указал Кассационный суд, процедура выдачи коренным образом отличается от процедуры высылки иностранцев, незаконно проживающих на территории государства-участника². Государство, отвергающее принцип выдачи, в целом не отказывается от своего права высылать иностранцев. Высылка инициируется государством, в котором проживает иностранец, и для нее не требуется какого бы то ни было судебного решения со стороны государства, в которое будет выслано это лицо.

4.13 Что касается утверждений заявителя о том, что доказательства, на которых основан ордер на арест, основаны на доказательствах, полученных под принуждением, то государство-участник отмечает, что Кассационный суд не вправе выносить решения о невиновности или виновности лица, в отношении которого запрашивается выдача, и что компетентные судебные органы Турции неукоснительно соблюдают

² В своем решении Кассационный суд счел, что процедура выдачи принципиально отличается от процедуры высылки, предусмотренной в статье 29 Закона № 02-03 о въезде и проживании иностранцев в Королевстве Марокко, незаконной эмиграции и иммиграции. Положения указанной статьи, касающиеся высылки, применяются в случае незаконного проживания, а не в случае преступлений, совершенных в другой стране.

нормы справедливого судебного разбирательства, как и международные договоры. Таким образом, Кассационный суд признал утверждение необоснованным.

4.14 В заключение власти Марокко информируют Комитет о том, что, несмотря на согласие Кассационного суда на выдачу заявителя, процедура выдачи была приостановлена до вынесения Комитетом своего решения по данному делу.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 26 мая 2018 года заявитель направил Комитету свои комментарии в ответ на замечания государства-участника от 19 декабря 2017 года и 30 апреля 2018 года.

5.2 Заявитель утверждает, что его жалоба не касается ни процедуры его ареста на территории государства-участника, ни положений Конвенции о взаимной правовой помощи между государством-участником и Турцией, содержащихся в статье 29. Его жалоба основана на судебном заключении Кассационного суда государства-участника и последующих процессуальных актах о выдаче. В этой связи заявитель утверждает, что государство-участник не выполнило своих обязательств по статье 3 Конвенции.

5.3 Государство-участник указывает, что в решении Кассационного суда деяния, в связи с которыми заявитель запрашивается судебными органами своей страны, рассматриваются в качестве общеуголовных преступлений (преступлений терроризма), которые также криминализируются Уголовным кодексом государства-участника, и что эти преступления не могут рассматриваться как политические или связанные с политическим преступлением. Государство-участник также отмечает, что оно систематически отказывает в удовлетворении просьб о выдаче при наличии оснований, предусмотренных в статье 721 Уголовно-процессуального кодекса. Государство-участник утверждает, что заявитель никогда не упоминал в Кассационном суде о своих опасениях преследования или пыток в случае выдачи в страну происхождения. Заявитель добавляет, что Кассационный суд государства-участника не применил статью 721 Уголовно-процессуального кодекса, не удостоверившись должным образом в отсутствии политических мотивов просьбы о выдаче заявителя, тогда как документы, представленные Турцией в обоснование просьбы о выдаче, демонстрируют явное несоответствие между несостоятельными доказательствами, представленными Турцией, и тяжкими и серьезными обвинениями в преступлениях, связанных с терроризмом³. Таким образом, заявитель считает, что это очевидное и важное несоответствие само по себе должно было побудить государство-участник тщательнее расследовать утверждения заявителя и вызвать серьезные сомнения в отношении реального характера просьбы о выдаче. Оценка такого несоответствия составляет дух статьи 721 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 3 Конвенции. Кроме того, заявитель явным образом сообщил Кассационному суду, что он опасается преследований в случае выдачи в свою страну. Так, в своем ходатайстве об отказе в выдаче, представленном в Суд 13 сентября 2017 года, заявитель отметил, что он подал ходатайство о предоставлении убежища в бюро Управления Верховного комиссара по делам беженцев в Марокко, поскольку считает, что его опасения подвергнуться преследованиям в случае возвращения в свою страну вполне обоснованы.

5.4 Что касается того ответа государства-участника, что его законодательство содержит достаточно положений для осуществления принципов Конвенции, заявитель отмечает, что он не утверждает, что подвергался пыткам или может подвергнуться пыткам со стороны властей государства-участника. Он вновь заявляет, что власти государства-участника не выполнили своих обязательств по статье 721 Уголовно-процессуального кодекса и статье 3 Конвенции, тем самым способствуя его выдаче и, следовательно, возможному применению к нему пыток в данном случае.

³ Изъятие у заявителя общедоступных книг Фетхуллы Гюлена, легальная подписка на газету «Заман», выезд за пределы своей страны, владение счетом в банке «Асья» (наряду с примерно еще 1,6 млн клиентами по всему миру).

5.5 В ответ на аргумент о том, что Кассационный суд как суд по делам о выдаче не обладает юрисдикцией для определения юридического значения доказательств, содержащихся в просьбе о выдаче, заявитель утверждает, что Суд, тем не менее, обладает полной свободой и юрисдикцией для их оценки с учетом других материалов дела в соответствии с положениями статьи 721 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 3 Конвенции. Кассационный суд имеет право рассматривать причины, лежащие в основе просьбы о выдаче заявителя, и принимать конкретные меры для принятия обоснованного решения.

5.6 Государство-участник утверждает, что Кассационный суд счел аргумент заявителя о том, что движение «Хизмет» не является террористической группой, лишенным какой-либо правовой основы ввиду закона о введении чрезвычайного положения, принятого Турцией 21 июля 2016 года как суверенным государством. Кроме того, Кассационный суд как суд по делам о выдаче не обладает юрисдикцией выносить решения о правомерности законодательства Турции. Заявитель считает, что Кассационный суд, состоящий из судей, юристов-практиков и правоведа, уполномочен оценивать, является ли этот закон справедливым и соответствует ли он нормам справедливого судебного разбирательства, включая право на защиту.

5.7 Декрет-закон № 667 о введении чрезвычайного положения увеличил максимальную продолжительность содержания под стражей в полиции с 4 до 30 дней. Это автоматически повышает риск пыток и жестокого обращения. Кроме того, статья 3 декрета-закона № 668 от 27 июля 2016 года, касающаяся процедур расследования и уголовного преследования, предусматривает, что право подозреваемого консультироваться со своим адвокатом может быть ограничено решением прокурора в течение пяти дней. Последствия такого чрезвычайного положения должны были быть серьезно оценены государством-участником, которое могло прийти к выводу, что заявитель как предполагаемый член движения «Хизмет», именуемого также Турцией как «ФЕТО» («Fethullah Terrorist Organization»), не имеет никаких надежд на справедливое судебное разбирательство в Турции. Например, в своем докладе о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека отмечает, что распоряжением Верховного совета судей и прокуроров было уволено более 4 200 судей, а также что около 570 адвокатов были арестованы. Кроме того, было закрыто около 34 коллегий адвокатов за предполагаемые связи с движением «Хизмет». Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека также отметило частое преследование адвокатов, представляющих обвиняемых в террористических актах, включая членов и сторонников движения «Хизмет». Другими словами, выдача заявителя будет означать, что суд над ним не будет справедливым, поскольку судьи, которые будут рассматривать его дело, явно не найдут смелости оправдать или освободить обвиняемого в членстве в движении «Хизмет», опасаясь, что они также будут смещены. Этот вопрос касается также защиты обвиняемых в Турции.

5.8 Что касается того аргумента, что просьба о выдаче не носила политического характера, поскольку заявитель был причастен к попытке государственного переворота в Турции 15 июля 2016 года в соответствии с изложенными в просьбе фактами и поскольку заявитель не представил в Кассационный суд никаких документов, подтверждающих политический характер просьбы о его выдаче, то государство-участник не указывает, как оно могло прийти к заключению, что заявитель был причастен к попытке государственного переворота, при том что заявитель утверждает, что Кассационный суд не смог оценить по существу материалы, приложенные к просьбе о выдаче. Утверждение государства-участника, о том, что заявитель участвовал в попытке переворота, попросту необоснованно, тем более что последний не покидал Марокко с марта 2016 года и во время попытки государственного переворота находился в городе Тетуан. Кроме того, государство-участник не объясняет, как предыдущая деятельность заявителя в Турции⁴ каким бы

⁴ Член Фонда Макиада и Фонда Батталгази образования в Малатье, поездки за рубеж с целью встреч, член движения «Хизмет» или хранение книг Фетхуллы Гюлена.

то ни было образом могла способствовать на расстоянии попытке государственного переворота. Заявитель представляет заверенный отзыв о нем, в котором он охарактеризован как умеренно религиозный человек, что крайне далеко от описания, данного ему правительством его страны.

5.9 Что касается утверждения о том, что по существу выдача и выдворение являются двумя совершенно разными правовыми процедурами⁵, заявитель отвечает, что в соответствии с международным правом эта классификация неверна. Статья 3 Конвенции приравнивает выдачу к выдворению и наделяет их одинаковым юридическим значением. По смыслу этой статьи то, что важно – это не конкретное обозначение процедуры, а ее реальные последствия для жизни, физической неприкосновенности и свободы личности. Принцип невыдворения исключает допустимость выдачи, высылки и принудительного возвращения. Как и запрет пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, принцип невыдворения никоим образом не может быть ограничен.

5.10 Что касается того аргумента, что Кассационный суд не имел юрисдикции оценивать ухудшение ситуации в области прав человека в Турции, на которое ссылается заявитель в обоснование своего ходатайства об отказе от выдачи, то заявитель считает, что государство-участник не может уклониться от такой оценки в рамках процедуры выдачи, даже если это обязательство не предусмотрено его законодательством. Комитет толкует статью 3 Конвенции как положение, требующее от государства-участника и Комитета оценить, имеются ли серьезные основания полагать, что в случае высылки, принудительного возвращения или выдачи заявителю будет угрожать опасность подвергнуться пыткам. В этой связи необходимо изучить все правовые средства для оценки риска применения пыток, включая оценку общего положения в области прав человека в запрашивающем государстве. В этой связи продление чрезвычайного положения в Турции после попытки государственного переворота в июле 2016 года привело к серьезным нарушениям прав человека сотен тысяч людей, некоторые из которых подверглись пыткам, о чем Управление Верховного комиссара по правам человека сообщило в своем докладе от 20 марта 2018 года. Эти нарушения включают пытки и другие виды жестокого обращения, произвольные задержания, произвольное лишение права на труд и свободу передвижения, а также нарушения свободы ассоциации и выражения мнений.

5.11 Даже после смерти путчисты не избежали подобных тяжких нарушений прав человека: так, заявитель отмечает, что близ Стамбула было создано «кладбище предателей» для их захоронения после казни. Он добавляет, что статьи 2 и 3 Устава Интерпола требуют, чтобы организация и национальные центральные бюро Интерпола в государствах-членах действовали в духе Всеобщей декларации прав человека и строго запрещали любое вмешательство или деятельность, которые могут ограничить свободу выражения мнений, равно как и репрессии в отношении противников за пределами страны. 20 августа 2017 года канцлер Германии открыто осудила неправомерное использование Турцией Интерпола после попытки переворота в 2016 году. Кроме того, заявитель считает, что, если бы Национальное центральное бюро Интерпола государства-участника знало о массовых злоупотреблениях со стороны Турции системой Интерпола, оно бы более тщательно изучило запрос в отношении заявителя и действовало в соответствии со статьями 2 и 3 Устава Интерпола по примеру государств – членов Европейского союза и других стран, игнорируя запросы о розыске, полученные от турецких властей.

⁵ Выдача применяется в отношении лица, совершившего уголовное преступление и скрывающегося от правосудия запрашивающего государства, в то время как выдворение применяется в случае лица, совершившего административное правонарушение.

Замечания государства-участника по существу дела и комментариям, предоставленные по ним заявителем

6.1 В вербальной ноте от 1 февраля 2019 года государство-участник представило замечания относительно условий содержания заявителя, включая состояние его здоровья и медицинское наблюдение.

6.2 Государство-участник утверждает, что с 27 июля 2017 года заявитель содержится под стражей в ожидании выдачи в местной тюрьме Сале-2 на основании просьбы о его выдаче, поданной турецкими судебными властями. В соответствии с положениями закона № 23-98 об организации и функционировании пенитенциарных учреждений заявитель содержится под стражей в абсолютно приемлемых условиях и в соответствии с международными договорами в этой области.

6.3 Государство-участник также сообщает, что заявитель пользуется всеми своими правами, включая право на общение со своей семьей и адвокатом. Он общается со своей семьей по стационарному телефону, его брат и три сына регулярно навещают заявителя и приносят ему книги на турецком языке. Помимо этого, он имеет право на общение со своим адвокатом с помощью переводчика на турецкий язык Бараката Аллаха.

6.4 Кроме того, заявитель содержится в условиях общего режима вместе с четырьмя другими заключенными в камере, отвечающей требованиям гигиены, вентиляции и солнечной освещенности. Он также имеет право на ежедневную прогулку продолжительностью не менее трех часов и занятия спортом в пенитенциарном учреждении.

6.5 Что касается состояния здоровья заявителя, то его регулярно наблюдают различные врачи как внутри тюрьмы, так и за ее пределами. После заключения под стражу он 84 раза был на приеме у врача в тюремном медпункте (75 – у терапевта и 9 – у зубного врача) и 16 раз был на приеме у врача в Университетской больнице им. Авиценны в Рабате (у эндокринолога, кардиолога, офтальмолога и уролога) и на стоматологическом факультете в Рабате. Он также прошел ультразвуковое исследование печени и полное лабораторное исследование, которое не выявило никаких отклонений. В настоящее время заявитель проходит соответствующее лечение.

6.6 Что касается утверждения о том, что заявитель не имеет доступа к услугам переводчика во время приема у врачей, что не позволяет ему сообщить им о симптомах и медицинских проблемах, которые у него имеются, марокканские власти отмечают, что врачи, проводившие осмотр заявителя – специалисты, компетентность которых позволяет им проводить вплоть до настоящего времени всю необходимую диагностику на основе имеющихся у заявителя физических и клинических симптомов. Кроме того, результаты проведенных анализов и обследований показали, что состояние здоровья заявителя было абсолютно нормальным. Власти Марокко также хотели бы уточнить, что, хотя доступ к переводчику во время медицинского осмотра является правом, гарантированным любому заключенному, для этого должна быть направлена соответствующая просьба.

6.7 Что касается передачи медицинского заключения о состоянии здоровья заявителя его адвокату, то следует отметить, что с этим заключением его адвокат по-прежнему может ознакомиться в местной тюрьме Сале-2. Наконец, государство-участник сообщает, что ситуация заявителя также находится на контроле у Национального совета по правам человека и что 6 июня 2018 года его посетили представители Совета, которые смогли убедиться в том, что условия его содержания под стражей и состояние здоровья абсолютно нормальны.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете*Рассмотрение вопроса о приемлемости*

7.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, представленной в сообщении, Комитет должен установить, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22

Конвенции. В соответствии с требованиями подпункта а) пункта 5 статьи 22 Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

7.2 В соответствии с подпунктом б) пункта 5 статьи 22 Конвенции Комитет должен удостовериться в том, что заявитель исчерпал все доступные внутренние средства правовой защиты, причем это правило не действует в тех случаях, когда применение таких средств неоправданно затягивается⁶, или если обеспечение ими жертве эффективной защиты представляется маловероятным. Комитет отмечает, что согласно государству-участнику заявитель не сообщил Кассационному суду об опасности преследования или пыток в случае выдачи в Турцию. Тем не менее он также отмечает, что в ходе заседания в Кассационном суде заявитель возражал против своей выдачи, в частности на том основании, что в случае его выдачи ему будет угрожать опасность подвергнуться политическому преследованию за свое предполагаемое членство в движении «Хизмет», которое считается террористической организацией, и что поэтому он ходатайствовал о предоставлении статуса беженца. Комитет считает, что изложение заявителем этих аргументов в Кассационном суде является достаточным для того, чтобы считать, что он действительно сообщил об этих рисках⁷, и отмечает, что государство-участник не утверждало, что заявитель имел в своем распоряжении какие-либо другие внутренние средства правовой защиты. Таким образом, Комитет считает, что заявитель исчерпал имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

7.3 Поскольку Комитет не видит никаких других препятствий для приемлемости, он признает сообщение приемлемым в части утверждений по статье 3 Конвенции и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

8.1 В соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции Комитет рассмотрел данное сообщение в свете всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 В данном случае Комитету надлежит решить, станет ли высылка заявителя в Турцию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Комитет напоминает прежде всего, что запрещение пыток носит абсолютный характер и не допускает отступлений и что никакие исключительные обстоятельства не могут приводиться государством-участником в оправдание пыток⁸. Принцип невыдворения какого-либо лица в другое государство при наличии серьезных оснований полагать, что ему будет угрожать применение пыток, закрепленный в статье 3 Конвенции, также является абсолютным⁹.

8.3 Что касается определения того, существуют ли серьезные основания полагать, что предполагаемой жертве будет угрожать опасность применения пыток, то Комитет напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции государства-участники должны принимать во внимание все обстоятельства дела, включая существование в стране возвращения постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. В данном случае цель такого анализа состоит в том, чтобы установить, будет ли заявителю лично угрожать опасность подвергнуться пыткам в случае выдачи в Турцию. Из этого следует, что существование в стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что в случае выдачи в эту страну ему будет угрожать опасность применения пыток: должны наличествовать

⁶ *Асфари против Марокко* (CAT/C/59/D/606/2014), пункт 12.2.

⁷ Замечание общего характера Комитета № 1 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 Конвенции, пункт 34.

⁸ Замечание общего порядка № 2 (2007) Комитета об осуществлении статьи 2 государствами-участниками, пункт 5.

⁹ Замечание общего порядка № 4 Комитета, пункт 9.

дополнительные основания считать, что такая опасность будет угрожать лично ему¹⁰. Равным образом, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что данному лицу не угрожает применение пыток в его конкретных обстоятельствах¹¹.

8.4 Комитет ссылается на свое замечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, согласно которому обязательство невыдворения возникает всякий раз, когда существуют «серьезные основания» полагать, что данное лицо может подвергнуться пыткам в другом государстве, высылка в которое ему угрожает, будь то лично или как члену группы, которая может подвергнуться пыткам в государстве высылки. При таких обстоятельствах Комитет обычно считает, что «серьезные основания» существуют всякий раз, когда угроза применения пыток является «предсказуемой, личной, непосредственной и реальной»¹². К факторам «личной» угрозы применения пыток могут относиться: а) этническое происхождение заявителя; б) политическая принадлежность или политическая деятельность заявителя и/или членов его семьи; в) предыдущие случаи применения пыток; г) содержание под стражей без связи с внешним миром или другие формы произвольного и незаконного содержания под стражей в стране происхождения; и е) тайное бегство из страны происхождения под угрозой применения пыток¹³. Комитет также напоминает, что он в значительной степени опирается на выводы по фактической стороне дела, сделанные органами соответствующего государства-участника; в то же время он не считает себя связанным такими выводами и свободно оценивает представленную ему информацию в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции с учетом всех обстоятельств по каждому конкретному делу¹⁴.

8.5 В данном случае Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что его выдача создаст для него серьезную угрозу преследования и пыток во время содержания под стражей в Турции в силу его предполагаемого членства в движении «Хизмет», а также утверждений о совершении терактов и финансировании терроризма. В этой связи Комитет отмечает, что в отношении заявителя выдан ордер на арест за членство в этом движении, хотя он и отрицает принадлежность к нему, и что, согласно имеющимся сообщениям, применение пыток и жестокого обращения во время задержания широко распространено в отношении подобных заявителю лиц. Во-вторых, Комитет принимает к сведению аргумент заявителя о том, что Кассационный суд не применил статью 721 Уголовно-процессуального кодекса и не установил политического характера просьбы о выдаче заявителя. Комитет также отмечает, что, согласно государству-участнику, уголовное законодательство Марокко по-прежнему соответствует положениям Конвенции, предусматривая, что никто не может быть выдан, если ему угрожает преследование на основании расы, религии, политических убеждений или личного положения или если ему может угрожать опасность по любому из этих оснований.

8.6 Комитет должен принять во внимание нынешнее положение в области прав человека в Турции, включая влияние чрезвычайного положения (отменено в июле 2018 года, но ограничительные меры которого были расширены путем принятия ряда законодательных мер). Он отмечает, что неоднократное продление чрезвычайного положения в Турции привело к серьезным нарушениям прав человека сотен тысяч людей, включая произвольное лишение права на труд и свободу передвижения, пытки

¹⁰ *Аль-Хадж Али против Марокко* (CAT/C/58/D/682/2015), пункт 8.3; *Р. А. И. против Марокко* (CAT/C/52/D/525/2012), пункт 7.2; и *Л. М. против Канады* (CAT/C/63/D/488/2012), пункт 11.3.

¹¹ *Калиниченко против Марокко* (CAT/C/47/D/428/2010), пункт 15.3.

¹² Замечание общего порядка № 4 Комитета, пункт 11.

¹³ Там же, пункт 45.

¹⁴ Там же, пункт 50.

и жестокое обращение, произвольные задержания и нарушения права на свободу ассоциации и выражения мнений¹⁵.

8.7 Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Турции (CAT/C/TUR/CO/4) в 2016 году, в пункте 9 которых он с обеспокоенностью отметил, что, хотя государство-участник внесло поправки в свое законодательство и установило неприменимость срока давности в отношении актов пыток, оно не представило достаточной информации о преследовании за акты пыток, в том числе в связи с утверждениями о применении пыток, по которым были вынесены решения Европейского суда по правам человека. Он также с обеспокоенностью отметил значительное расхождение между большим числом сообщений о пытках, поступивших от неправительственных организаций, и данными, представленными государством-участником в его четвертом периодическом докладе (см. CAT/C/TUR/4, пункты 273–276, и приложения 1 и 2), что свидетельствует о том, что за отчетный период не все дела о пытках были расследованы. В тех же заключительных замечаниях Комитет в пункте 19 выразил обеспокоенность в связи с недавними поправками к Уголовно-процессуальному кодексу, которые наделяют полицию более широкими полномочиями производить аресты лиц без судебного надзора во время их содержания под стражей в полиции. В пункте 33 Комитет выразил сожаление в связи с отсутствием полной информации о самоубийствах и других случаях внезапной смерти в местах содержания под стражей в течение отчетного периода. Комитет признает, что упомянутые заключительные замечания были приняты до даты введения чрезвычайного положения. Вместе с тем он отмечает, что доклады, опубликованные после введения чрезвычайного положения в отношении положения в области прав человека и предупреждения пыток в Турции, свидетельствуют о том, что обеспокоенность, выраженная Комитетом, сохраняет свою актуальность¹⁶.

8.8 В данном случае Комитет отмечает утверждения заявителя, что он подвергается преследованиям за свою политическую деятельность, а именно возможное членство в движении «Хизмет», на которое возлагается ответственность за попытку государственного переворота в июле 2016 года. Комитет отмечает, что, согласно его докладу за 2018 год, Управление Верховного комиссара по правам человека имело доступ к достоверной информации о применении пыток и жестокого обращения во время предварительного заключения в контексте реакции турецких властей на попытку государственного переворота¹⁷. В том же докладе Управление Верховного комиссара по правам человека утверждает, что оно документально подтвердило применение нескольких форм пыток и жестокого обращения в местах содержания под стражей, включая избиения, угрозы сексуального насилия, сексуальное насилие, электрошок и пытка водой. Эти акты пыток, как правило, имели целью вымогательство признаний или принуждение к доносу на других лиц в связи с расследованиями фактов, связанных с попыткой государственного переворота¹⁸. В своем докладе о поездке в Турцию Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания отмечает, что после попытки государственного переворота применение пыток получило широкое распространение¹⁹. Специальный докладчик также сообщает, что число расследований и судебных преследований в связи с сообщениями о пытках или

¹⁵ Управление Верховного комиссара по правам человека, «Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года», март 2018 года.

¹⁶ Управление Верховного комиссара по правам человека, «Доклад о положении в области прав человека в Юго-Восточной Турции: июль 2015 года – декабрь 2016 года», февраль 2017 года; там же, «Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года», март 2018 года; A/HRC/37/50/Add.1.

¹⁷ Управление Верховного комиссара по правам человека, «Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года», март 2018 года, пункт 7.

¹⁸ Там же, пункт 77.

¹⁹ A/HRC/37/50/Add.1, пункт 26.

жестоким обращении незначительно по сравнению с предполагаемым числом таких нарушений, что свидетельствует о недостаточном стремлении турецких властей расследовать такие сообщения²⁰.

8.9 Что касается непосредственного влияния чрезвычайного положения, введенного 20 июля 2016 года, на защиту от пыток и жестокого обращения, то Комитет отмечает, что Управление Верховного комиссара по правам человека ссылается на ограничения, которые могут быть введены в отношении общения задержанных и их адвокатов, продление максимального срока содержания под стражей в полиции, ликвидацию некоторых независимых механизмов по предупреждению пыток и на неправомерное использование содержания под стражей²¹. После неоднократного продления чрезвычайного положения турецкими властями оно было официально отменено 19 июля 2018 года. Однако был принят ряд законодательных мер, продлевающих применение ограничительных мер, принятых во время чрезвычайного положения, как, например, возможность продления срока содержания под стражей в полиции до 12 дней²².

8.10 В случае заявителя Комитет отмечает, что, разрешив выдачу, Кассационный суд Рабата не произвел никакой оценки риска применения пыток, который выдача повлекла бы за собой в свете ситуации в Турции после попытки государственного переворота в июле 2016 года, в частности в отношении лиц, которые, как и заявитель, состоят членами – предположительно или реально – движения «Хизмет». Комитет отмечает, что согласно государству-участнику Турция предоставила гарантии соблюдения прав заявителя в соответствии с ратифицированными ею международными договорами. Тем не менее не было представлено никаких разъяснений относительно того, как государство-участник оценило опасность применения пыток в отношении заявителя, чтобы по его возвращении в Турцию он не подвергся обращению, нарушающему статью 3 Конвенции. Комитет напоминает, что главная цель Конвенции заключается в предупреждении пыток, а не в устранении их последствий после их применения²³.

8.11 В свете вышеизложенного и с учетом предполагаемого или фактического членства заявителя в движении «Хизмет» Комитет считает, что именно государству-участнику надлежало провести индивидуальную оценку личной и реальной опасности, которой заявитель может подвергнуться в Турции, принимая во внимание, в частности, документально подтвержденное обращение турецких властей с лицами, связанными с этим движением, а не полагаясь на то, что просьба о выдаче была направлена на основании соглашения между обоими странами, а также то, что вменяемые заявителю преступления являются общеуголовными преступлениями, наказание за которые предусматривается и законодательством Марокко. Комитет также считает, что в статье 721 Уголовно-процессуального кодекса Марокко не содержится конкретного упоминания опасности пыток и жестокого обращения в случае выдачи, а всего лишь упоминается опасность ухудшения личного положения лица, в отношении которого поступила просьба о выдаче, по любой из причин, связанных с его расой, религией, гражданством или политическими взглядами, если преступление, за которое он запрашивается, рассматривается государством-участником как политическое или связанное с таким преступлением²⁴. Комитет пришел к выводу, что в настоящем деле оценки Кассационного суда не позволяют оспорить доводы о наличии предсказуемой, личной, непосредственной и реальной

²⁰ Там же, пункты 70–73.

²¹ Управление Верховного комиссара по правам человека, «Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года», март 2018 года, пункт 83.

²² Human Rights Watch, « Turkey: Events of 2018 ». Disponible à l'adresse suivante : www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/turkey.

²³ *Алан против Швейцарии* (CAT/C/16/D/21/1995), пункт 11.5.

²⁴ См. сноску 1.

опасности того, что заявитель подвергнется пыткам в случае выдачи в Турцию, которая, следовательно, будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции²⁵.

9. Таким образом, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции, Комитет заключает, что выдача заявителя Турции будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

10. Комитет считает, что в соответствии со статьей 3 Конвенции государство-участник обязано:

а) обеспечить, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем путем проведения индивидуальной оценки реальной опасности пыток и жестокого обращения, в том числе с учетом общего положения в области прав человека в стране выдачи, при рассмотрении просьбы о выдаче в рамках соглашения или процедуры выдачи;

б) воздержаться от выдачи заявителя Турции и рассмотреть просьбу о выдаче заявителя Турции в свете его обязательств по Конвенции, включая оценку риска применения пыток и жестокого обращения в случае выдачи, и настоящего решения. Принимая во внимание, что заявитель находится под стражей на протяжении почти двух лет, государство-участник обязано освободить его.

11. Согласно пункту 5 правила 118 своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения сообщить Комитету о мерах, принятых в связи с настоящим решением.

²⁵ *X. И. против Швейцарии* (CAT/C/61/D/747/2016), пункт 10.7.